

АВТОМАТИЗАЦИЯ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА

УДК 801.5

Е. В. Падучева

ОТПРЕДИКАТНЫЕ ИМЕНА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена семантике и употреблению имен существительных, образованных от глаголов (ср. РАЗГРУЖАТЬ - РАЗГРУЗКА, РОДИТЬСЯ - РОЖДЕНИЕ) и прилагательных (ср. КРАСИВЫЙ - КРАСОТА, БЕЗНАДЕЖНЫЙ - БЕЗНАДЕЖНОСТЬ). Развивая идею З.Вендлера о пропозитивных и номинативных употреблениях таких имен, мы предлагаем для номинативных употреблений трактовку, в основе которой лежат понятия общего имени (т. е. именного предиката) и экстенционала (т. е. класса индивидуальных сущностей, соответствующего общему имени). Рассматриваются таксономические суперкатегории непрямых сущностей, обозначаемых отпредикатными именами, такие, как действие, процесс, событие, состояние, свойство.

Отпредикатные имена (т. е. существительные, образованные от глаголов и прилагательных, такие, как *борьба, приход, отчаяние, скудость*) долгое время были предметом пристального внимания в трансформационной грамматике [1, 2] и в философской логике [3]. Однако проблему описания семантического соотношения отпредикатного имени с предикатом нельзя считать решенной. Мы рассмотрим проблему в том виде, как она встает перед лексикографом, а именно: ставится задача описать семантическое соотношение отпредикатного имени с предикатом таким образом, чтобы получить толкование имени через значение предиката (или, быть может, наоборот — толкование предиката через значение имени)*.

§ 1. ПРОПОЗИТИВНЫЕ И НОМИНАТИВНЫЕ СУБСТАНТИВЫ

Предметом рассмотрения будут только полные отпредикатные имена [5, с. 53], т. е. имена, сохраняющие весь набор семантических актантов исходного предиката (нексусные имена по Есперсену [6]; в дальнейшем речь идет только о полных именах и эпитет *полный* опускается). Этим термином охватывается то, что в традиционной грамматике называется именами действия, *nomina actionis* (*ограбление, обработка*) и именами свойства (*новизна, красота*). Как заметил еще Есперсен [6, с. 155], многие отглагольные имена — такие, как *сон, отдых, пропаша, существование* — называются именами действия только потому, что в грамматике слово *действие* употребляется в качестве обобщающего обозначения для всех смыслов, выражаемых глагольной основой. Мы сохраним термин

* Отпредикатные имена — наряду с другими типами “номинализаций” — были подробно рассмотрены Н. Д. Арутюновой (в монографии [4] и предшествующих ей публикациях).

“действие” для тех случаев, когда речь и в самом деле идет о действиях.

В модели Смысл \Leftrightarrow Текст (МСТ) [7], среди отпредикатных имен, соответствующих предикату P , различаются: имена ситуации — они обозначаются $S_0(P)$; имена участников ситуации, или актантные имена (имя субъекта $S_1(P)$, имя объекта $S_2(P)$, имя второго объекта $S_3(P)$ и т. д.); имена сирконстантов — имя способа / разновидности действия, имя места, результата и подобное, ср. [8, с. 45].

Актантным именам в МСТ принято сопоставлять толкования: $S_1(P) =$ ‘тот X , который $P(X)$ ’: например, *изобретатель = SI(изобрести) =* ‘такой X , который изобрел’; $S_2(P) =$ ‘такой X , которого $P(X)$ ’: например, *изобретение =* ‘такое X , которое изобрели’. Между тем про имя ситуации считается, что оно не требует специального толкования: имя ситуации, образованное от предиката P , трактуется как синтаксический дериват лексемы P , который имеет то же значение, что и сама лексема P [9, с. 82; 8, с. 43]. Иными словами, морфема, образующая имя от предиката (*-ение, -ость* и под.), рассматривается всего лишь как синтаксическое средство выразить подчинение предиката P некоторому другому предикату.

Трактовка отпредикатных имен ситуации как синтаксических дериватов имеет давнюю традицию. Так, отсутствие лексических различий между предикатом и семантически регулярно образованным от него именем подчеркивается Куриловичем [10], который иллюстрирует понятие синтаксической деривации на примере абстрактных существительных со значением свойства, образованных от соответствующих прилагательных в роли сказуемого: “абстрактные существительные как бы резюмируют целое предложение, опираясь на его сказуемое” [10, с. 64]. Но это и значит, что они представляют собой результат синтаксической деривации сказуемого: первичная функция глагола или прилагательного соответствует его первичной форме — предикативной и синтаксически независимой; а именной суф-

фикс выражает вторичную функцию глагола — синтаксическое подчинение глагольной группы другому предикату, ср. *Это решение правильно* и *Я сомневаюсь в правильности этого решения*; *Ограблен банк* и *Сообщили об ограблении банка*.

Синтаксическая деривация по Куриловичу — это то же, что транспозиция по Балли [11] или трансляция по Теньеру [12].

Тот же стихийно трансформационный подход к отпредикатным именам предлагает Есперсен, который сводит функцию отпредикатного имени (нексусного) к чисто синтаксической — к функции выражения подчинения одного предиката другому:

“Остается рассмотреть употребление слов этого разряда или, вернее, установить, с какой целью они употребляются в речи. По моему мнению, преимущество слов этого разряда в том, что они дают возможность избегать громоздких выражений, поскольку иначе для передачи той же мысли пришлось бы прибегнуть к придаточному предложению” [6, с. 155].

Странным образом все вышеупомянутые авторы проходят мимо того очевидного факта, что отпредикатное имя вовсе не всегда может быть развернуто в придаточное предложение и тем более не всегда придаточное будет по смыслу равнозначно имени.

Существенный шаг вперед в семантическом анализе отпредикатных имен был сделан в трансформационной грамматике: Р. Лиз в своей известной работе 1960 года [1], посвященной субстантивам (*nominate*) — отпредикатному имени, герундию, подчиненному предложению в роли семантического актанта предиката, инфинитиву, — различил субстантивы двух семантических типов: соотносящиеся с фактом и соотносящиеся с действием (*fact-referent* и *action-referent nominals*). Ср. один из его примеров [1, с. 58]:

(а) *То, что он съел овощи, удивительно* (субстантив — подчиненное предложение — выражает факт);

(б) *Есть овощи полезно* (субстантив — инфинитивная группа — обозначает действие).

Субстантивы I типа подобны по своей семантической структуре независимому предложению, поскольку способны включать в свой состав отрицание и почти полный набор модально-временных показателей [1, с. 65, с. 5]. А субстантивы II типа сохраняют из всех синтаксических валентностей глагола только те, которые соответствуют семантическим актантам — субъекту и объектам. Английский герундий, например, принадлежит к I типу, т. е. соотносится с фактом. Между тем отпредикатное имя, как в английском, так и в русском языке, может иметь оба значения:

(1) а. *Я не знал об их встрече* (о факте встречи, субстантив типа I);

б. *Их встреча произошла только вчера* (событие, субстантив типа II).

Ср. (2а) и (2б):

(2) а. *Я только что узнало его аресте* = ‘о том, что его арестовали’ (тип I)

б. *В книге подробно описывается его арест* (тип II)

Таким образом, если считать, в соответствии с [9], что отпредикатное имя предиката *P* — это $S_0(P)$, то толкование отпредикатных имен в примерах а и б из (1), (2) одно и то же. А тогда как объяснить их различный смысл и употребление? В частности, то, что в (1а) *об их встрече* = *о том, что они встретились*; в (2а) *о его аресте* = *о том, что его арестовали*, а (1б) и (2б) не допускают подобных перефразировок.

Следующий важный вклад в проблему семантического анализа отпредикатных имен был сделан Вендлером [3], который обнаружил, что главной различительной силой при выражении противопоставления, сформулированного Лизом, является не собственная структура отпредикатных субстантивов, а контекст: семантический тип

подчиняющего предиката дает гораздо больше для характеристики смысла субстантива, чем его собственная форма, которая часто неоднозначна (не только в случае отпредикатного имени или инфинитива, но и в случае придаточного [13]).

Термин *факт*, который использовался для выражения существа противопоставления субстантивов I и II типа в работах [1], [3], а также в [4], представляется неудачным, поскольку понятие факта связывается, как в обыденном языке, так и в лингвистике, прежде всего, с идеей истинности (так, фактивная презумпция — это презумпция истинности [14]; между тем субстантивы I типа возможны и в контексте нейтральной модальности, когда пропозиция вообще не оценивается по параметру истинности, ср. нейтральный асертивный статус субстантивов *его победа; что он победил; то, что он победил* в (3)—(5):

(3) *Его победа <в этой борьбе> маловероятна.*

(4) *Неправда, что он победил.*

(5) *Я не верю в то, что он победил.*

Семантическая сущность противопоставления субстантивов типа I и II в наиболее ясной форме описана Вендлером: “субстантивы первого типа, которые я называю “несовершенными” (*imperfect nominals*), выражают (*express*) пропозицию, тогда как субстантивы второго типа, “совершенные”, обозначают (*denote*) событие, процесс или действие” [15, с. 14]. Опираясь на это разграничение, мы будем называть субстантивы I типа (и контексты, в которых они употребляются) пропозитивными, а субстантивы второго типа — номинативными.

Отпредикатное имя в пропозитивном контексте, как в примерах типа (1а), (2а), (3), является результатом номинализации и равно по смыслу и синтаксическим свойствам исходному предикату. Как правило, такое имя может быть заменено, с сохранением смысла, на подчиненное предложение. Так,

(1а) = *Я не знал о том, что они встретились;*

(2а) = *Я только что узнал о том, что его арестовали;*

(3) = *Маловероятно, чтобы он победил* или *Маловероятно, что он победит.*

Поэтому для пропозитивных отпредикатных имен (и для пропозитивных употреблений отпредикатных имен, поскольку одно слово может употребляться как пропозитивное в одном контексте и как номинативное — в другом) трактовка, предлагаемая в [9] (а также в [10—12] и [6]), вполне адекватна. Если считать, что $S_0(P)$ сопоставляет предикату *P* его синтаксический дериват, способный заменить *P* в подчиненной позиции, то, например, указания о том, что *существование* — $S_0(\text{существовать})$, достаточно для понимания смысла слова *существование* в контекстах типа *Она читала и такие книги, о существовании которых я не подозревал*. Проблему составляют только непропозитивные имена и употребления. Так, слово *существование* в контекстах типа *с первого дня существования, облегчить существование, зарабатывал на существование, окончили свое существование* и подобных, номинативных, имеет другое значение, и это значение требует толкования.

Выступать в значении пропозитивного имени могут очень многие отпредикатные имена, однако все-таки не все, так что способность отпредикатного имени выражать в соответствующем контексте номинализованную пропозицию является одним из видов лексикографической информации. Так, пропозитивное употребление допускают слова *безнадежность, победа* (*Теперь безнадежность нашего положения становилась очевидной* — = *Теперь становилось очевидно, что наше положение безнадежно*; *Я знаю о его победе* = ‘Я знаю о том, что он победил’); но не слова *сон, курение*, ср. *Я знаю о том, что он курит* и **Я знаю о его курении*.

Контексты, различающие два типа субстантивов, подробно изучены Н. Д. Арутюновой [4]. Пропозитивный контекст порождают 1) предикаты знания, полагания и

истинностной оценки (*знать, считать, вероятно* и под.); 2) глаголы передачи информации (*говорить, требовать* и под.); 3) предикаты эмоциональной и ментально-эмоциональной реакции (*жалеть, бояться* и подобные); 4) предикаты воли и намерения (*желательно, намерен, планирует* и под.). “Семантической доминантой” всех пропозитивных предикатов является эпистемическая установка [4, с. 112], обязательный компонент в семантическом разложении пропозиционального предиката. Как показано в [14], там, где подчиненная предикация допускает два различных понимания, предикат неоднозначен:

(6) а. Я помню, как мы купались в Москве-реке (тип II).

б. Я помню, что мы купались в Москве-реке (тип I).

Глагол *помнить* в (а) и в (б) выражает разные виды памяти — образную в (а) и информационную в (б).

Подтверждением может служить также следующий пример Н. Д. Арутюновой [4, с. 182]. Предложение *Расстрел демонстрации произвел на него сильнейшее впечатление* трактуется как неоднозначное: источником переживания (впечатления) может быть либо непосредственное видение сцены (номинативное значение именной группы — *расстрел демонстрации*), либо информация о факте, свидетелем которого субъект не был (пропозитивное значение той же ИГ); но в таком случае и предикат *произвел впечатление* неоднозначен: едва ли можно описать значение слова *впечатление*, не указав, что было источником впечатления — чувственное восприятие или пропозитивное знание.

Работы последних лет (см., в частности, [4]) показали, что четко разделить употребление субстантивов (в том числе отпредикатных имен), на две группы — пропозитивную и номинативную — невозможно: есть предикаты, в контексте которых субстантив должен пониматься как пропозитивный и номинативный одновременно. Дело в том, что один и тот же субстантив часто отражается в семантической структуре — при семантическом разложении предиката — как семантический актант нескольких разных семантических предикатов и имеет в одном своем вхождении в семантическое представление одну онтологическую категорию, а в другом — другую. Возникает явление сдвоенного онтологического статуса, аналогичное сдвоенному денотативному статусу, описанному в [16, с. 100]. В частности, сдвоенный статус имеют субстантивы в контексте предикатов каузированного эмоционального состояния — *огорчает, радует* и подобные.

Замечание о термине “номинализация”. В работе Р. Лиза “Грамматика английских номинализаций” [1] номинализация понимается как трансформация (в некотором смысле этого слова, впоследствии вышедшем из употребления в трансформационной грамматике) с помощью которой порождаются все виды субстантивов, включая и актантные имена: посредством номинализаций предложение трансформируется в субстантив, который может быть далее подставлен в другое предложение. Мы употребляем термин “номинализация” в несколько ином значении — применительно к синонимическому преобразованию, которое переводит подчиненное предложение (в пропозитивном контексте) в отпредикатное имя [13, с. 24]: номинализация — это синтаксическая деривация. В [4] слово *номинализация* используется для перевода англ. *nominal*. Мы переводим *nominal* как “субстантив”, поскольку, как мы покажем далее, отпредикатные имена — все, за исключением пропозитивных, — не являются результатом номинализации как синтаксической деривации.

В определении пропозитивных и номинативных суб-

стантивов, как оно было дано Вендлером, обращает на себя внимание его несимметричность. Субстантивы I типа Вендлер характеризует с точки зрения их значения: они “выражают пропозицию” (в самом деле, выразить можно только значение, ср. (17, с. 191)), — и ничего не говорит об их референции. Между тем субстантивы II типа он характеризует с точки зрения их референции: они “обозначают события и процессы” (и в самом деле, отпредикатные имена типа *приезд, ограбление* обозначают — разумеется, в таком же широком смысле, что и предметные имена типа *стол* или *человек*, которые вовсе не всегда имеют конкретную референцию, — некоторые внеязыковые сущности), — и ничего не говорит об их значении.

В результате остается два неясных вопроса: 1) какая референция у субстантивов с пропозитивным значением и 2) какое значение имеют субстантивы (а именно, отпредикатные имена), которые обозначают события и процессы, иными словами, чем различаются по значению, скажем, выражения *ограблен банк* и *ограбление банка*.

Что касается первого вопроса, то мы, вслед за Н. Д. Арутюновой [4], считаем, что пропозиция, находясь в контексте пропозициональной установки, не имеет выхода в референцию; т. е. пропозитивные субстантивы ничего не обозначают (хотя пропозиция в утвердительном контексте способна обозначать: высказывание *Ограблен банк* вводит в рассмотрение, а следовательно, обозначает событие, см. более подробно в [13]).

Отрицание референции у субстантивов с пропозитивным значением фактически восходит к Г. Фреге. Как известно, Фреге [18] обнаружил, что предложение в контексте предиката пропозициональной установки не имеет того денотата, который оно имело бы в утвердительном контексте, даже если это предложение выражает истинный факт, как, например, во фразе *Филипп не знает, что столица Гондураса — Тегусигальпа*. Фреге считал, что в контексте предиката пропозициональной установки денотатом подчиненного предложения становится его смысл. Если, однако, говорить только о внеязыковом денотате подчиненной пропозиции, то по Фреге он отсутствует.

Обратимся теперь ко второму вопросу — о значении номинативных отпредикатных имен и семантическом соотношении такого имени с пропозицией.

§ 2. ОТПРЕДИКАТНЫЕ ИМЕНА В НОМИНАТИВНЫХ УПОТРЕБЛЕНИЯХ: ПРОЦЕССЫ, СОБЫТИЯ, СОСТОЯНИЯ И СВОЙСТВА

Непреодолимое препятствие, на которое наталкивается трактовка отпредикатного имени как синтаксического деривата, т. е. результата номинализаций составляет квантификация: отпредикатное имя может иметь полную парадигму денотативных статусов (в смысле [16, с. 83]), которым нет и не может быть никакого соответствия в семантике пропозиции. Так, отпредикатные имена, например, *переезд*; допускают ряды (ср. *всякий переезд <на новую квартиру>, некоторые переезды, какой-нибудь переезд, этот переезд, тот самый переезд, один, другой, первый переезд* и т. д.), совершенно аналогичные тем, которые образуют предметные имена, например, *человек* (ср. *всякий человек, некоторые люди, какой-нибудь человек, этот человек, один человек*); см. более подробно в [13].

В философской логике при описании квантификации используется понятие общего имени (*general term*) [19, с. 90]. Общее имя — это примерно то же, что именной предикат (*X* — человек, *a* — треугольник). Общее имя порождает класс объектов, составляющих его

экстенционал: экстенционал есть класс всех объектов, по отношению к которым данный предикат является истинным. При квантификации естественной областью значений квантифицируемой переменной являются именно экстенционалы общих имен.

Принципиальная роль общих имен при квантификации объясняется тем, что в естественном языке нет переменных универсальной предметной области: если есть переменная, то должно быть соответствующее общее имя. Общее имя дает возможность строить парадигму денотативных статусов: различные статусы — это различные способы выбора (или отсылки, упоминания) объекта или объектов из того множества, которое составляет экстенционал общего имени. По-видимому, именно парадигму денотативных статусов Куайн [19, с. 90] называет разделенной референцией (divided reference). Способность к разделенной референции и составляет главное свойство общих имен.

В модели Смысл \leftrightarrow Текст (МСТ) принцип толкования таков, что толкуется, как правило, не слово, а ближайшая к нему синтаксическая форма; например, толкуется не глагол *показывать*, а предложение вида *X показывает Y-у Z* [20, с. 111]. Если надо истолковать не глагол, а, скажем, наречие или частицу, то и они достраиваются до синтаксической формы: восстанавливается предикат и необходимые актанты, которые фигурируют в толковании в роли переменных. Например, вместо слова *наизусть* в Толково-комбинаторном словаре (ТКС) толкуется форма “P(X) наизусть”, где P и X — переменные [7, с. 445]; вместо слова *только* — форма “P только X” [20, с. 88]; вместо слова *друг* — форма “X — друг Y-a”, и т. д. Из семантически связанных слов всегда толкуется то, которое имеет предикативное употребление; например, в паре *победить* — *победа* толкуется *победить*, т. е. “X победил Y-a” Иными словами, модель из всех возможных видов определений отдает предпочтение одному — определению, которое в логике называется предикативным (definition in use [21, с. 261]).

Между тем толкованием слова может быть обычное определение понятия, как оно дается в традиционной логике — через *genus proximum* и *differentia specifica* (ближайшее родовое понятие и специальный видовой признак).

Вопрос о допустимости в лексикографии непредикативных определений (и, соответственно, — о толковании непредикативных лексических единиц) ставится в работе Е. В. Рахилиной [22], где обосновывается возможность истолкования существительного без помещения его в соответствующий предикативный контекст.

З а м е ч а н и е. Непредикативными толкованиями широко пользуется А. Вежбицкая, ср. в [23, с. 88] толкования существительных *голова*, *сердце* и подобных, которые имеют следующую стандартную форму: ‘часть тела, которая обладает такими-то свойствами’ (например, находится там-то, имеет такой-то вид, выполняет такую-то функцию и т. д.).

Одна из главных трудностей при толковании “предметного” (непредикативного) понятия в том, чтобы найти для него соответствующее родовое (ср. обсуждение проблемы таксономических суперкатегорий в [24]). Традиционная логика отмечает возможные затруднения с определением таких понятий, для которых нельзя подобрать ближайшего родового. Однако в случае номинативных отпредикатных имен эти трудности преодолимы: как будет показано, для достаточно большой части номинативных отпредикатных имен удовлетворительные родовые понятия задаются словами *процесс*, *событие*, *состояние* и *свойство*.

Глагол, вместе со своими актантами, обозначает ситуацию, причем ситуации могут быть различных ас-

пектуальных классов, из которых основными являются процессы, события, состояния и обладания свойством [13]. Мы предлагаем схемы толкования отпредикатных имен, эксплицитно указывающие принадлежность ситуации одному из таких классов, например:

приход [X—a]=‘событие, состоящее в том, что X пришел’;

кипение [X—a]= ‘процесс, состоящий в том, что X кипит’

раздражение [X—a]=‘состояние, в котором находится такой X, который раздражен’;

свежесть [X—a]=‘общее свойство всех тех X-в, которые свежи’.

В наших примерах предикат трактуется как семантически исходный по отношению к имени, что, вообще говоря, не обязательно. Есть имена процессов и событий, не производные ни от такого предиката, например, *митинг*, *катастрофа*.

Теперь мы можем ответить на вопрос, поставленный в конце § 1: как различаются по значению регулярное и образованное от нее (семантически регулярное) имя ситуации — например, *ограблен банк* и *ограбление банка*.

В логике со времен стоиков различаются два вида значений — пропозитивное и номинативное (индивидуальное). Пропозитивное значение, или пропозиция,— это значение, которое само по себе может составить содержание высказывания, т. е. быть истинным или ложным; поэтому имени с пропозитивным значением только его синтактика мешает быть предложением. Между тем номинативное значение не может составить содержания высказывания в силу своей семантики. Это верно как для предметных имен, типа *банк*, так и для имен ситуации, типа *ограбление*. Значение общего имени ситуации, хотя оно и происходит от пропозиции, не является пропозитивным, поскольку в толковании общего имени ситуации вершиной является родовое имя (таксономическая категория), а пропозиция служит определением к этому имени, см. схемы толкований выше.

Обратим внимание на то, что в модели “Смысл \leftrightarrow Текст”, при общем предпочтении предикативных определений, для одного разряда от предикатных слов, а именно — для имен эмоциональных состояний, сделано исключение: эти слова иногда трактуются в ТКС как общие имена, а не как номинализованные пропозиции.

В работе Л. Н. Иорданской 1970 года [25] была предложена модель описания значения имен чувств и эмоциональных состояний, которая, в принципе, не требует, чтобы объектом толкования была синтаксическая форма. Смысл существительных типа *радость*, *гордость*, *гнев* и подобных представлен в этой работе как с о с т о я н и е, которое: а) характеризуется по ряду параметров (таких, как: положительное vs. отрицательное; активное, т. е. связанное с внешними проявлениями, vs. пассивное; возбужденное, т. е. связанное с наличием эмоции, vs. спокойное) и б) каузируется некоторой типовой ситуацией (причем оговорено, что данная ситуация обычно вызывает у субъекта такое состояние, ср. близкое — как бы остепенное — определение, предложенное для состояний в [26]). Иными словами, имя состояния толкуется при этом подходе как общее имя, а не как синтаксический дериват соответствующего предиката.

В ТКС [9] при толковании имен состояний в ряде случаев используется модель Иорданской. Например, существительное *безнадежность* толкуется так:

безнадежность <X-a> = ‘пассивно-отрицательное эмоциональное состояние X-a, каузируемое тем, что X не надеется на нечто важное для него’.

Такая схема толкования применяется, однако, лишь тогда, когда имя состояния не имеет соответствующего ему по смыслу предиката — глагола или прилагатель-

ного (слово *безнадежен* в контексте *X безнадежен* не означает внутреннего, т. е. ментально-эмоционального состояния *X*-а). Если же для имени состояния есть соответствующий ему по смыслу глагол (ср. *отчаянье — отчаиваться*), выбирается другая стратегия. Исходя из предпосылки — вообще говоря, ни на чем не основанной, что “названия чувств являются словами-предикатами” [25, с. 7], авторы словаря принимают за исходный член пары предикат, а существительное трактуется как синтаксический дериват — S_0 — от этого предиката, например, *гнев — S₀ (гневатся)*. Аналогично для пар *восторг — восторгаться*, *восхищение — восхищаться*, *сомнение — сомневаться*, *страх — бояться*, *удивление — удивляться*, *отчаяние — отчаиваться*, *досада — досаждать*, *стыд — стыдиться*. Ср. также пары *обида — обижаться*, *огорчение — огорчаться*, *изумление — изумляться*, *радость — радоваться*, *раздражение — раздражаться*, *ужас — ужасаться* из [25].

Присмотревшись, однако, к толкованиям, которые даны в ТКС предикатам эмоционального состояния, легко убедиться в том, что толкование предиката почти всегда содержит родовой термин *состояние*, который соединяется с субъектом состояния полувспомогательным глаголом, означающим ‘находиться’ или ‘испытывать’. Ср., например, схему толкования глагола *отчаиваться*:

X отчаивается (по поводу *Y*-а) = ‘*X* находится в таком-то состоянии, каузированном такой-то ситуацией’.

Но в таком случае естественнее дать в словаре полное толкование для имени состояния, т. е. для слова *отчаяние*, а глагол *отчаиваться* охарактеризовать как семантически производный, его смысл получается из смысла имени состояния с помощью предикативизирующего оператора, для имен состояния это будет оператор НАХОДИТСЯ в (*X*, *P*), для имен чувств — ИСПЫТЫВАЕТ (*X*, *P*). Например, семантическое соотношение в паре *отчаиваться — отчаянье* может быть описано в словаре так:

отчаянье X-а [по поводу *Y*-а] = ‘такое-то состояние *X*-а, каузированное такой-то ситуацией *Y*-а и такое, которое обычно возникает у человека в данной ситуации’.

Вторичность глагольного способа выражения эмоционального состояния по сравнению с именным подтверждается тем, что для многих имен эмоциональных состояний соответствующего глагола просто нет в языке, так что единственная возможность предикативного выражения данного состояния — с помощью полувспомогательного глагола; ср. примеры “аналитических” предикативных выражений состояния *испытывать разочарование*, *быть в восторге*, *быть в экстазе*, *испытывать сострадание*, *испытывать угрызения совести*, *быть в бешенстве*, *быть в ярости*, злорадствовать или фр. *avoir peur*, выражающее аналитически идею ‘бояться’. У глаголов типа *злорадствовать*, *злоствовать* семантической вторичности глагола соответствует формальная.

Среди имен других состояний, — например, социальных, — тоже есть такие, которые семантически проще, чем соответствующий предикат, и в ТКС они иногда берутся за исходные при толковании. Так:

брак = ‘социально признанный и социально регулируемый контакт...’ (*контакт* — это состояние); *X женат на Y*-е = ‘*X* состоит в браке с *Y*-ом’.

Разумеется, мы не утверждаем, что в паре “имя эмоционального состояния—предикат” направление семантической производности всегда идет от имени к предикату. Так, в паре *страх — бояться* обычно толкуется глагол, ср. [27], а имя *страх* можно охарактеризовать

как ‘состояние, в котором находится *X*, который боится’ — в одном из значений глагола *бояться**.

Таким образом, лексическое значение имени состояния, которое находится в регулярном семантическом соотношении с предикатом состояния *P*, не может быть представлено как $S_0(P)$. Оно толкуется либо вообще независимо от *P* — как общее имя индивида, относящегося к классу состояний, либо через *P*, но с помощью толкования, имеющего стандартную схему; ‘состояние, а котором находится тот *X*, который *P*’. В любом случае, вершиной толкования является родовой термин *состояние*. Так могут быть построены толкования, скажем, для слов *растерянность*, *подавленность*, *неуверенность*, *недовольство*, *задумчивость*, *гнев*, *отчаянье*, которые являются именами состояний от предикатов *гнева*, *отчаивается*, *растерян*, *подавлен*, *неуверен*, *недоволен*, *задумался* (не *задумчив!*). Когда слово *безнадежность* выступает как имя состояния, оно не может быть истолковано как S_0 (*безнадежен*), хотя для пропозитивного значения слова *безнадежность* такое “толкование” допустимо.

По аналогичным соображениям оператор S_0 не может использоваться в толковании отпредикатных имен других аспектуальных классов — имен событий, процессов и свойств, в толковании этих слов должен фигурировать классификатор, выражающий соответствующее родовое понятие.

§ 3. АСПЕКТУАЛЬНЫЙ КЛАСС И КВАНТИФИКАЦИЯ

Трактовка имен ситуации как общих имен по Куайну позволяет дать объяснение тому факту, что эти имена, в принципе, имеют полную парадигму денотативных статусов. Пропозитивные имена, как и пропозиции, статусов не различают**.

Однако для различных аспектуальных типов отпредикатных имен референциальные возможности различны. Так, имена событий (например, *приезд*) имеют практически тот же набор денотативных статусов, что и предметные имена, такие, как *человек* или *стол*; имена событий свободно употребляются во множ. числе, свободно считаются.

Имена состояний имеют ослабленные возможности квантификации по сравнению с именами событий. По своим референциальным возможностям имена событий сопоставимы со счетными предметными именами, а имена состояний — с именами масс [6, с. 229]. Многие кванторные слова (например, *некоторый*) имеют в контексте имен состояний особое значение и несвойственное вообще этому слову употребление в ед. числе, ср. *испытал некоторую досаду*.

Имена процессов занимают в плане квантификации промежуточное положение и не вполне однородны.

§ 4. АСПЕКТУАЛЬНЫЙ КЛАСС И СОЧЕТАЕМОСТЬ

Аспектуальный класс отпредикатного имени позволяет делать надежные предсказания относительно его регулярной, т. е. семантически мотивированной, сочетаемости. Ниже перечисляются наборы типовых контекстов для имен процессов, событий, состояний и свойств.

* Впрочем, в психологии понятие страха (ср. понятие метафизического страха у Кьеркегора или понятие страха в философии экзистенциализма) рассматривается как первичное

** В самом деле парадигма денотативных статусов требует общего имени; между тем, операторы *то*, *что* или *тот факт*, *что* уже в чисто синтаксическом плане являются определенными дескрипциями, т. е. именами е д и н и ч н ы х сущностей (в данном случае — единичных фактов); а операторов, которые позволяли бы строить общие имена фактов, в естественном языке нет.

Процессы

1. Все имена процессов допустимы в контексте глаголов со значением 'протекать', 'идти', т. е. 'иметь место' (для процессов: *идет беседа, происходит забастка (обновление)*). Частная разновидность процессов — совершающиеся действия, т. е. целенаправленные процессы с активным субъектом, такие, как *борьба, (проверка, но не такие, как купание, бегство, восстание, прогулка, сон, курение)*. Имена действия допустимы в контексте глаголов со значением 'производить', 'вести' (Орег₁ в терминологии модели Смысл<=>Текст: *Служку осуществляла группа агентов ФБР; они производят прием (замену, отбор); Мы ведем расследование*).

2. Все имена процессов употребляются в контексте фазовых глаголов — со значением 'начинаться', 'кончаться', 'продолжаться': *началась борьба (дождь, бой); кончилось преследование инакомыслящих; продолжается посадка (осада)*.

Имена действий допустимы в контексте фазовых глаголов со значением 'начинать', 'кончать', 'продолжать': *вступил в переговоры; закончил проверку тетрадей; прервал чтение; принял за, приступил к, прекратил (выдачу)*.

Контекст фазового глагола является диагностическим для имен процессов, в противоположность именам событий.

3. Имена процессов (как и имена события, но в отличие от имен состояний и свойств) сочетаются с показателями временной и пространственной локализации: *Прогулка происходила ночью; Дожди шли в Ленинграде и в Новгороде*.

4. Процессы, в отличие от событий, могут быть охарактеризованы с точки зрения их длительности: *На переезд от Порт-Артура до Кинчжоу требовался тогда целый день*.

5. Имена процессов, в отличие от имен событий, сочетаются с идеей 'во время' (*во время выборов, во время эвакуации*).

Имена процессов не всегда сочетаются с предлогами *до* и *после*: **до движения*. Если такие сочетания возможны, они имеют нестандартную интерпретацию: имя процесса понимается как имя события, состоящего в начале или в конце процесса. Так, *до работы* = 'до начала работы', *после работы* = 'после конца работы' [8]; действительно, начало работы и конец работы — это уже события. При этом слово *работа* имеет специальное значение — 'работа в течение рабочего дня', т. е. это не просто процесс, а такой процесс, который имеет четкое начало и конец.

Для тех имен процессов, семантика которых предполагает начало и конец, — *война, допрос, забастовка, митинг, обыск, собрание, экскурсия* (но не *возня, жизнь, движение, исследование*) — сочетание с предлогами *до* и *после* не затруднено: *до войны* = до начала войны, *после войны* = 'после конца войны'. Однако с именами событий предлоги *до* и *после* взаимодействуют не так, как с именами процессов: *до ссоры* означает не 'до начала ссоры', а 'до того, как произошла ссора'; *после прихода* ≠ **после конца прихода*. Событие, даже если оно реально не точечно, рассматривается в языке как лишенное протяженности, ср. [4, с. 181].

Замечание. Так же как предлог *до*, устроен глагол *ждать*: ждать можно либо события, либо процесса с четко выраженным началом; поэтому нельзя сказать: **ждет поисков*; надо сказать: *ждет начала поисков* или *ждет, когда начнутся поиски*.

6. Имена процессов, исключая, разумеется, ненаблюдаемые процессы, являются нормальными актантами глаголов восприятия [3]: *наблюдал за строительством дороги; следил за беседой; видел бой*. Недопустимое

**слышал посадку самолета* при нормальном *слышал, как садился самолет* — это капризы трансформации номинализации.

7. При анафорических отсылках к процессам слово *процесс* может употребляться как классификатор: *Я проходил переаттестацию. Это был мучительный процесс*; или: *в процессе подготовки*. Однако *процесс* менее естественный классификатор, чем *состояние* и *свойство*, см. ниже.

Однозначно процессными являются имена, образованные от непарных глаголов несовершенного вида; ср. *борьба, возня, курение, поиски, чтение, преследование, движение, бег* (но не *бегство*, которое соотносится с *бежал* в значении 'убежал'). Гораздо больше отпреди-катных имен типа *разгрузка*, которые могут употребляться и как имена процессов, и как имена событий. Обычно это имена действий.

Примеры существительных, которые могут употребляться как имена процессов: *агитация, беседа, бой, возрастание, война, восстание, выборы, голосование, дебаты, демобилизация, демонстрация, дискуссия, дождь, доклад, допрос, досмотр, жизнь, забастовка, занятие, замена, запуск, заседание, игра, инвентаризация, испытания, исследование, конкурс, консилиум, консультация, купание, митинг, мобилизация, обследование, обстрел, обыск, опрос, осада, осмотр, очистка, переговоры, перепись, перестройка, подготовка, подсчет, посадка, прием, прогулка, работа, разведка, расследование, расчистка, ревизия, регистрация, репетиция, референдум, сборы, следствие по ..., смотр, собрание, совещание, сокращение, соревнование, съемка, урок, учения, учет, чтение, экскурсия, эксперимент*. О сочетаемости имен процессов см. в [28].

События

1. Имена событий употребляются в контексте глаголов со значением 'произошло', 'случилось': *В Афганистане произошло землетрясение*.

События отличаются от процессов тем, что имеют ретроспективного наблюдателя. Наблюдатель процесса синхронный, поэтому если *P* — процесс, то глагол со значением $\text{Func}_i(P)$ и $\text{Oreg}(P)$ несовершенного вида, а если событие, то — совершенного.

События могут быть контролируемые — когда событие есть деятельность или действие, осуществленное некоторым субъектом (как *проверка, прием*), и неконтролируемые (как *землетрясение, ссора*). Сочетание с Func_0 продуктивно только для имен неконтролируемых событий, ср. существительные, которые, согласно словарям, могут быть подлежащим при глаголе *произойти*: *неприятность* (= 'неприятное событие'), *несчастный случай, несчастье, землетрясение, катастрофа, авария, революция, спор, ссора, объяснение, взрыв, пожар*.

2. Имена событий употребляются в контексте временных и пространственных локализаторов: *Вчера произошло странное событие; Встреча произошла на платформе; Выстрел раздался за моей спиной*.

3. Имена событий используются для временной локализации других событий и процессов, употребляясь с предлогами *до* и *после* (но не *во время!*): *до войны, после революции*.

4. События, в отличие от процессов и состояний, хорошо упорядочиваются во времени: *Его приходу предшествовал звонок по телефону; За первой проверкой последовала вторая*, ср. [29].

Событие может быть началом (реже — концом) процесса: *Закладка Петропавловской крепости была началом строительства Петербурга*.

5. Имена событий допустимы в контексте глаголов восприятия, памяти, воображения: *Я слышал выстрел; Я не заметил его прихода*.

6. Имя события можно употреблять в контексте “быть таким-то событием”: *Его приезд был радостным событием; Приобретение этой библиотеки было для него событием* (=важным событием). В отличие от других имен всех других классификаторов (*процесс, состояние, свойство*), слово *событие* не вступает в аппозитивную связь с именами событий, ср. *в процессе перестройки, в состоянии, опьянения, обладает свойством непроницаемости, но *после события отъезда*.

Примеры имен событий: *аннексия, арест, выстрел, гибель, избрание, лишение (наследства), ограбление, отстранение (от руководства), победа, поражение, преодоление, прекращение, приход, провал, разгром*.

Однозначно событийными являются имена, образованные от моментальных глаголов, ср. имя *рождение от глагола родиться*, который не имеет парного глагола несовершенного вида со значением процесса, так что глагол *родиться* моментальный; *появление от появиться* (*Иван появлялся — много раз появился*), а не ‘находился в процессе появления’; *взрыв от взорваться, пропажа от пропасть, потеря от потерять* и подобных.

Между тем, если глагол входит в видовую пару, то отглагольное имя обычно семантически соотносимо с обоими членами этой видовой пары и, следовательно, обозначает не только событие, но и процесс; так, слово *разгрузка* в примере, приведенном ниже, выступает как имя события:

После разгрузки старший брат доставал лист бумаги и карандаш, а младший, присев на кирпичи, писал долговые расписки (Дм. Бахин “Цепь”),

но то же слово будет именем процесса в сочетании *во время разгрузки*. Другие примеры слов, которые могут, в зависимости от контекста, обозначать и процесс, и событие: *перевыборы, отправка, казнь, разрушение, замена, выполнение, освобождение, покупка, возвращение, объединение, укрепление, развитие, завоевание, приобщение, очистка* и подобные. О видовом противопоставлении у отглагольных имен см. [31, с. 118], а также [32] и обзор [33].

Состояния

1. Имя состояния сочетается

а) с глаголом, означающим ‘пребывать в данном состоянии’, ср. *пребывать в тревоге, в ужасе, в волнении, в изумлении, в страхе, в грусти, в тоске, в задумчивости, в состоянии готовности, в восхищении, в убеждении; находиться в зависимости; быть в недоумении; испытывать волнение, счастье* и подобные: *Я был в сомнениях; Братья часто испытывают друг к другу ослепительную ненависть, которая невозможна между чужими;*

б) с глаголом, обозначающим ‘приходить/прийти в данное состояние’ и ‘выходить/выйти из него’, ср. *пришел в ужас, преодолел смущение, пришел в неистовство;*

в) с каузативным глаголом, означающим ‘привести в данное состояние’ и ‘вывести из него’, ср. *привел в смущение, поверг в уныние (панику), вывел из оцепенения; Резкий звук вывел ее из задумчивости.*

2. Состояния обычно имеют степени: *Волнение мое росло; любовь крепла; Ненависть его брата к Базарову нисколько не уменьшалась* (Тургенев).

3. Состояния выражаются, проявляются: *В чем же проявляется его антипатия к Вам?; Как мне выразить свою любовь?; проявлять бдительность: выказать уважение; в знак уважения.*

4. Состояния сопутствуют действиям и занятиям: *Все было с любовью расставлено; Она с ненавистью собирала мои вещи.*

5. Имена состояний способны вступать со своими

классификаторами — *состояние, чувство* — в аппозитивную связь: *Большую часть времени космонавт находится в состоянии невесомости; Посмотрела на него с чувством уважения (с чувством превосходства).*

Как легко видеть, состояния, в частности эмоциональные, резко отличаются по своим сочетаемым возможностям от процессов и событий. Так, для имен состояний (как и для имен свойств, см. ниже) практически нет глаголов со значением Func_0 (возможны только InserFunc_0 и FinFunc_0 , ср. *любовь ушла; смущение прошло; появилась неуверенность*). В качестве фазовых не используются глаголы *начать(ся)* и *кончить(ся)*. Эмоциональные состояния не допускают локализации в пространстве и не допускают показателей точного времени; не служат для отсчета места и времени; не упорядочиваются во времени (ср. [29]); неестественны в контексте глаголов восприятия.

Примеры имен состояний: *бездействие, беспамяत्वство, беспечность, беспомощность, беженство, благодарность, болезнь, верность, влюбленность, возбуждение, возмущение, волнение, вражда, гордость, горе, горечь, готовность, грусть, доверие, жажда, жалость, забытие, зависть, задумчивость, изумление, невесомость, недовольство, ненависть, неуверенность, озорчение, раздражение, растерянность, подавленность, превосходство, привязанность, признательность, симпатия.*

Свойства

1. Имена свойств вписываются в контекст глагола со значением ‘обладать’, ‘отличаться’, ‘характеризоваться’: *Тема не отличается новизной; Ткань обладает эластичностью*. Ср. другие примеры, где глагол служит для соединения свойства с его обладателем: *В ее взгляде сквозит нежность; Повесть исполнена грусти; Ее полотно пронизывает искренность; От ее письма дохнуло жизнерадостностью*. Сочетания основаны на метафорическом уподоблении имен свойства именам массы.

Сочетаемость с глаголом, приписывающим признак объекту, позволяет отличить имена свойств от пропозитивных имен на *-ость*; ср. *отличается элегантностью* (элегантность может быть именем свойства) и **отличается пригодностью* (*пригодность* — только пропозитивное имя).

2. Имена свойств вписываются в контекст глагола, выражающего проявление свойства: *проявил принципиальность*.

3. Для имен свойств характерен контекст показателя степени, количества: *В ней мало глубины; Ей недостает решительности; Драматичность зрелища была велика; Прочность оказалась недостаточной.*

Возможность иметь степень отличает состояния и свойства, с одной стороны, от процессов и событий — с другой.

4. Имена свойств сочетаются с некоторыми фазовыми, показателями (*активность сохраняется, не утратил своей ценности, свежести, решительности*).

Заметим, что каузативный контекст не является диагностическим: он возможен для всех четырех классов имен. Так, имена процессов легко вписываются в контекст глаголов каузации, типа: *способствует (росту), препятствует, содействует, помогает, сопровождает(ся), влечет за собой, вызывает, ведет к, приводит к, обуславливает (нормальное развитие, функционирование, ход), прекращает (доступ)*. Имена процессов уместны также в контексте каузативных глаголов со значением ‘делать более каким-то’: *задерживает затрудняет, мешает, облегчает, замедляет, ускоряет, осложняет (развитие)* и т. п.

События и состояния тоже каузируются и каузируют: *Это ускорило разгром Новгорода Московским князем; Прекращение холодной войны дало нам возможность думать и спорить; Ссылного гоним из Са-*

халина страстная любовь к Родине; Она внушала мне безграничное уважение.

Наконец, и имена свойства употребляются в каузативных контекстах: *Редиска привлекала своей свежестью; От тепла моих рук крышка согрелась. Свойственная ему душевная неуравновешенность осложнила жизнь всех троих; Ее благоразумие оказало на нас благотворное влияние; Как мне бороться с моей застенчивостью?; Бесконечное разнообразие жизни восхищало Ричарда.*

§ 5. АСПЕКТУАЛЬНЫЙ КЛАСС И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Можно указать две линии связи между аспектуальными классами и лексическими функциями

Во-первых, аспектуальный класс отпредикатного имени предопределяет набор лексических функций, которых можно при нем ожидать. Поэтому эксплицирование аспектуального класса отпредикатного имени должно помочь в описании его нестандартной сочетаемости в ТКС. Кроме того, если оказывается, что слово имеет какие-то лексические функции, не свойственные своему аспектуальному классу, это означает, что у него есть другое значение. Несколько примеров

Слово *сомнение* — это, вообще говоря, имя состояния. Однако, употребляясь в таких контекстах, как *подверг сомнению* или *сомнения подтвердились*, оно выступает не как имя состояния. В самом деле, для чистых имен состояний такие сочетания невозможны, ср. **подверг удивлению* или **гнев подтвердился*. Следовательно, в этих контекстах оно имеет другое значение. В ТКС различается два значения слова *сомнение*:

сомнение = [a]S₀ (сомневаться) и [B] 'такое-то состояние, каузированное такой-то ситуацией'.

По-видимому, значение [a] выделено именно потому, что в некоторых контекстах — например, в двух указанных, — слово *сомнение* явно не выражает состояния.

Другой пример. У слова *надежда* отсутствуют самые характерные лексические функции, свойственные именам состояния (ср. **Она была в надежде*, **Она впала в надежду*). И действительно, семантическое соотношение в паре *надеяться* — *надежда* аналогично скорее соотношению в паре *думать* — *мнение*, чем в паре *бояться* — *страх*.

У слова *сон* изобилие прилагательных, характеризующих его разновидности (*сладкий, глубокий, тяжелый, беспробудный, мертвый, беспокойный* и пр.) диагностирует его как имя способа действия (S_{mod}), т. е. *сон* совмещает значения, которые, например, для глагола *ходить* различны словами *ходьба* и *походка*.

Во-вторых, слова, для которых осмысленны те или иные лексические функции, обычно составляют определенный семантический класс; ср., например, слова, для которых осмысленна лексическая функция Real.

Замечание. В этой работе мы не касались понятия действия, которое тоже является важной и лексикографически полезной таксономической категорией. О соотношении между событиями и действиями см. [34].

Подведем итоги.

1. Различение пропозитивных и номинативных отпредикатных имен и значений имен имеет прямое отношение к лексикографии. Пропозитивные отпредикатные имена (и их значения) имеют иное толкование, чем номинативные: только пропозитивное имя может быть представлено, в семантическом отношении, как результат номинализации пропозиции, т. е. как синтаксиче-

ский дериват глагола или предикатива. Многие номинативные отпредикатные имена допускают пропозитивное значение в качестве одного из возможных, но все-таки не все, так что наличие у слова этого значения должно указываться в словаре.

2. Пропозитивное имя (как и другие субстантивы I типа) в референциальном отношении подобно константе — это определенная дескрипция. Номинативное отпредикатное имя — это разновидность общего имени, т. е. имени, которое, в сочетании с детерминативами того или иного рода, может приобретать весь возможный набор денотативных статусов. Языки логики, которые используются в лингвистической семантике для представления смысла предложений, не всегда содержат общие имена. Синтаксический аналог общему имени имеется в языке многосортной логики предикатов — это имя предметной области переменных, ср. [35, с. 47]. Предложенные схемы толкования отпредикатных имен ситуации основаны на использовании не большого числа предметных областей в качестве таксономических суперкатегорий “непредметных” сущностей.

3. Эксплицитное указание таксономической категории (в первую очередь — аспектуального класса) имеет принципиальное значение для раскрытия семантики отпредикатного имени. Аспектуальные классы

- а) позволяют решить проблемы квантификации и референции номинативных отпредикатных имен;
- б) составляют базу для описания семантически мотивированной сочетаемости;
- в) вносят упорядоченность в описание фразеологической сочетаемости, а именно, позволяют предсказывать наличие/отсутствие у слова тех или иных лексических функций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lees R. The grammar of English nominalizations.— The Hague, 1966 (1-st printing, 1960).
2. Chomsky N. Remarks on nominalization // Chomsky N. Studies on semantics in generative grammar. — The Hague. Mouton, 1972.
3. Vendler Z. Linguistics and philosophy— Ithaca: Cornell Univ. Press, 1967.
4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: факт, событие, оценка.— М.: Наука, 1988.
5. Падучева Е. В. Притяжательное местоимение и проблема залога отпредикатного имени // Проблемы структурной лингвистики, 1982. — М.: Наука, 1984.
6. Есперсен О. Философия грамматики.— М.: Инстр. лит-ра, 1958.
7. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей “Смысл=>Текст”. — М.: Наука, 1974.
8. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. — М.: Наука, 1974.
9. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики.— Wiener Slawistischer Almanach. — 1984.— Sbd 14.
10. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике.— М.: Инстр. лит-ра, 1962. — С. 251—266.
11. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.— М.: Инстр. лит-ра, 1955.
12. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. — М.: Прогресс, 1988.
13. Падучева Е. В. О референции языковых выражений с непредметным значением // НТИ. Сер. 2. — 1986. — № 1. — С. 23—31.

Окончание см. стр. 31

14. Зализняк Анна А. О понятии “факт” в лингвистической семантике // Логический анализ языка. Противоречивость текста.— М.: Наука, 1990.
15. Vendler Z. Res cogitans.— Ithaca: Cornell Univ. Press, 1972.
16. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. — М.: Наука, 1985.
17. Черч А. Введение в математическую логику.— М.: Иностранная литература, 1960.
18. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика.—1977.— Вып. 8.— С. 181—210.
19. Quine W. O. Word and object.— Cambridge (Mass.): MIT press, 1960.
20. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов.— М.: Наука, 1985.
21. Reichenbach H. Elements of symbolic logic.— N. Y.: The MacMillan Co, 1947.
22. Рахилина Е. В. Предметные имена и имена предикатов. — НТИ, сер.2, 1991, N 5.
23. Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. — Wrocław etc.: Ossolineum, 1969.
24. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis.— Ann Arbor: Caroma publishers, 1985.
25. Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13.— М., 1970.
26. Wierzbicka A. Semantic primitives.— Frankfurt/M.: Athenäum, 1972.
27. Зализняк Анна А. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР. СЛЯ. - 1983. - Т. 42, № 1.— С. 59—66.
28. Кузнецова Т. А., Сиверина Е. Г. Лексические указатели процессуальности значения отглагольных существительных в современном русском языке // Науч. тр. Куйбышевского гос. пед. ин-та. Т. 227.- Куйбышев, 1979.- С. 64-70.
29. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов.— М.: Наука, 1982.
30. Падучева Е. В. Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика.— 1980.— Вып. 20.
31. Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове).— М.; Л., 1947.
32. Бунин П. В. О характере протекания действия и его выражении у отглагольных существительных // Грамматическая семантика языковых единиц.— Вологда, 1981.— С. 24—36.
33. Фалина В. В. К вопросу о наличии категории вида у отглагольных существительных на *-ние* в современном русском языке // Русский язык в Среднем Поволжье.— Чебоксары, 1976.— С. 51—65.
34. Menzel P. Semantics and syntax in complementation.— The Hague: Mouton, 1975.
35. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса.— М.: Наука, 1971.

Материал поступил в редакцию 20.02.91.